

✦ Классическое наследие

ГЕРБЕРТ СПЕНСЕР*

ОСНОВАНИЯ СОЦИОЛОГИИ. ЧАСТЬ ШЕСТАЯ. ЦЕРКОВНЫЕ ИНСТИТУТЫ**

Аннотация: В публикуемом фрагменте рассматриваются первоначальная связь жреческих функций с военными и гражданскими и их дифференциация.

Abstract: In this part of the text the author considers the original association of priestly functions with military and civil functions and their differentiation.

Ключевые слова: религиозные институты, государство, жречество, дифференциация.
Keywords: religious institutions, State, priesthood, differentiation.

Глава X. Военные функции жрецов

§ 628. Среди множества ошибок, вытекающих из проекции развитых идей и чувств в толкование примитивных институтов, немногие могут сравниться с ошибкой, когда жреческие функции связываются с действиями, имеющими возвышенный характер, и отделяются от действий brutальных и диких. Разве предубеждения людей не сделали их глухими к фактам! Ведь в этом вопросе даже чтение Библии могло бы породить сомнения, а более широкий круг чтения показал бы, что в целом у человечества жрецы выражали и культивировали не высшие, но скорее низшие человеческие страсти.

Мы сразу понимаем, что так оно и должно быть, когда вспоминаем, что вместо божеств, воспринимаемых как средоточие всех моральных и умственных совершенств, у большинства народов были божества, обладавшие, как считалось, характером свирепым и жестоким, зачастую совсем неотличимым от дьявольского. О древних мексиканцах мы читаем, что их «властелины слали друг другу сообщения готовиться к войне, поскольку их боги требовали пищи», а их армии «сражались с единственной целью захватить пленников, дабы ими накормить этих богов». Согласно Джексону, фиджийские жрецы говорили людям в округе, «что кровопролитие и война, как и все с ними связанное, приятны их богам». Хотя Пиндар и отрицает приписываемый греческим богам каннибализм, сочинения Павсания все же показывают,

* Перевод статьи публикуется в редакции переводчика.

** *Продолжение.* Начало в предыдущих выпусках. Перевод сделан по изданию: Spencer H. The Principles of Sociology. Vol. III. N.Y.: D. Appleton and Company, 1900. P. VII, 3-175.

что даже в те дни Зевсу время от времени приносили человеческие жертвы; а в «Илиаде» греческим богам исподволь приписываются качества даже низшие, чем людям: им открыто приписываются лживость, коварство, кровожадность, прелюбодейство. Тот факт, что они принимали участие в битвах людей вместе с теми, на чьей стороне они стояли, напоминает об ассирийцах, у которых тоже предполагалась прямая божественная помощь в сражениях. Как гласит надпись Асархаддона:

«Иштар, царица войны и битвы, любя мою набожность, стояла на моей стороне. Она поломала им луки. Их боевой строй она в ярости сокрушила. К их войску обращалась она с такими словами: “Я беспощадное божество”».

И такие же черты явно или скрыто приписываются первобытному богу евреев. Я имею в виду не только принесение ему человеческих жертв или такие выражения, как «Господь муж брани» (Исх. 15, 3) и «у нас во главе Бог» (2 Пар. 13, 12). В большей степени я имею в виду те беспорядочные массовые бои, которые совершались, как говорят, по велению Бога, и тот факт, что религиозная война, как само собой предполагается, должна быть естественным образом войной кровавой. Приведем для примера слова из Первой книги Паралипоменон (5, 22): «много пало убитых, так как от Бога было сражение сие». И все эти черты, приписываемые божествам древними историческими народами и ныне живущими варварами, получают свое объяснение, если вспомнить, что мифологии, обычно описывающие битвы между богами за превосходство, являют собой лишь преобразенные описания сражений между примитивными правителями, в которых сильнейший, более кровожадный и неразборчивый в средствах обычно одерживал верх.

Чтобы в полной мере понять первоначальную связь между воинскими деяниями и религиозными обязанностями, мы должны вспомнить, что когда сами боги предположительно не участвуют в битвах, руководимых или поощряемых ими, они присутствуют в представляющих их идолах либо в тех или иных эквивалентах идолов. Мы всюду обнаруживаем параллели утверждению Кука, что жители Сандвичевых островов, отправляясь на битву, берут своих богов войны с собой. У древних мексиканцев при встрече с неприятелем «впереди шествовали жрецы со своими идолами». У некоторых юкатанцев были «идолы, которым они поклонялись как богам сражений... Они брали их с собой, когда отправлялись воевать с чинамитами, своими соседями и смертельными врагами». Геррера, рассказывая о чибча, так описывает их отношение к частным идолам: «Столь велика была их преданность, что, куда бы они ни шли, всегда с ними был идол; одной рукой они держали его, а другой сражались». Не иначе обстояло дело и в древнем мире. Повествование во Второй книге Самуила (2 Цар. 5, 21) показывает, что филистимляне, когда сражались, несли с собой своих «истуканов», т.е. образы своих богов; и ковчег, которые евреи считали обителью Яхве, тоже нередко брался ими на войну (2 Цар. 11). Так, в Первой книге Самуила (1 Цар. 4, 1-7) мы читаем, что евреи, потерпев поражение от филистимлян, послали за ковчегом, дабы он спас их от врагов; «и когда прибыл ковчег завета Господня в стан, весь Израиль поднял такой сильный крик, что земля стонала... И устрашились филистимляне, ибо сказали: Бог тот пришел к ним в стан». Более того, если мы напомним себе о жертвоприношениях, которые обычно совершались до и после, а иногда и во время битвы нецивилизованными и получивилизованными народами, мы еще яснее увидим, насколько тесной была связь между убийством врагов и ублажением божеств.

Поскольку жрецы были официальными умиротворителями божеств, это следствие очевидно. Часто не позволяя воевать с людьми той же крови, они с самого начала подстрекали воевать с людьми других кровей, поклонявшимися иным богам. Так, об уже упоминавшихся выше мексиканцах, воевавших с целью заполучить жертвы для своих богов, мы читаем, что «жрецы, как только считали это необходимым, шли к царям и говорили, что нужно вспомнить об идолах, изнемогающих от голода». У ассирийских жрецов были еще и другие мотивы. «Они жили на доходы, получаемые храмами... и были прямо заинтересованы в войне, поскольку часть военной добычи отдавалась храмам». Не умножая далее число примеров, достаточно будет напомнить тот факт, что даже у евреев в некоторых случаях, когда царь и народ были склонны проявить милосердие, жрецы требовали *херема* — безжалостного убийства всех без разбора. Так, Самуил «взывал к Господу целую ночь» из-за того, что Саул, хотя и «истребил» амаликитян, не убил их царя и не истребил весь скот (см. прим. 1); и это напоминает об одном фиджийце, который, не отличившись в полной мере в убийстве врагов, впал в «религиозное безумие», непрерывно выкрикивая: «Бог гневается на меня».

Этот предварительный краткий обзор готовит нас к обнаружению того, что на ранних стадиях социальной эволюции рука об руку со священническими функциями идут функции военные. Рассмотрим же их главные аспекты.

§ 629. Из той истины, что при обычном порядке вождь, коим первоначально является величайший воин, оказывается также первым жрецом, вытекает соединение военной и священнической функций в одном лице. Главный воитель является поначалу главным умиротворителем богов. Фрески и надписи Египта и Ассирии, представляющие царя одновременно и главным военачальником, и руководителем культовых действий, иллюстрируют обычно находимую связь.

Эта связь даже теснее, чем поначалу кажется; ведь в число важнейших жертвоприношений богам, совершаемых царями, входят жертвоприношения, совершаемые накануне битвы с целью заручиться божественной поддержкой или после битвы в знак благодарности. Иначе говоря, царь выполняет свою функцию религиозного умиротворителя наиболее зримо как раз тогда, когда наиболее явно осуществляется его военное руководство.

С незначительным видоизменением эта связь функций время от времени проявляет себя, когда руководство в войне осуществляется не правителем или правящим органом, а назначенным генералом; в таких случаях генералы берут на себя жреческие функции. Например, у мексиканцев пост верховного жреца «почти всегда заключал в себе обязанности Плакочкалкатля, или главнокомандующего армией». Так было и у древних цивилизованных народов Европы. В Риме «перед отправлением в военный поход собирали всех воинов, а генерал повторял молитвы и совершал жертвоприношение. Такой же обычай был принят в Афинах и Спарте». К этому можно добавить, что у римлян «развернутое в поле войско было образом города, и его религия следовала за ним»: в священном очаге постоянно горел огонь, войско сопровождали авгуры и прорицатели, а царь или командир перед битвой и после нее приносил жертвы. И жреческая функция римского военачальника была в действительности такова, что в некоторых случаях жертвоприношениям он уделял больше внимания, чем сражениям.

На этом общность не заканчивается. Помимо соединения военных и священнических функций в фигуре лидера, у нецивилизованных народов бывают случаи,

когда жрецы берут на себя активную роль в сражениях. О таитянах, чьи «вожди и жрецы часто входили в число самых прославленных кулачных бойцов и борцов», Эллис пишет, что «жрецы не освобождались от участия в битвах, а носили с собой оружие и шествовали вместе с воинами на поле боя». Нужно заметить, что параллели обнаруживаются там, где их можно меньше всего ожидать.

§ 630. Признав, что активное церковное руководство с самого начала объединено с активным военным руководством и что эти два вида руководства остаются на позднейших стадиях номинально соединенными с руководством государства, мы можем далее отметить, что обычно жрецы очень скоро перестают быть прямыми участниками военных действий и становятся всего лишь косвенными их участниками.

Во времена, когда качества знахаря и жреца нераздельно представлены в лице одного человека, предположительно имеющего власть над сверхъестественными существами или способного оказывать на них влияние, мы видим предвосхищение советнических и административных функций жрецов во время войны. Дакоты демонстрируют подобное действие в его простейшей форме.

«Военные вожди часто привлекают кого-то из жрецов или фокусников для ведения за них военных действий. Фактически каждый из этих фокусников может руководить военной кампанией, когда они так решат».

У абипонов знахарь «учит, как правильно выбрать время, место и способ нападения на диких зверей или на врага. При приближении битвы он объезжает верхом боевые ряды, рассекает воздух пальмовой ветвью и яростным выражением лица, угрожающими взглядами и экзальтированной жестикуляцией призывает несчастья на голову неприятеля».

О кхондах известно:

«Жрец, который ни в коем случае не носит с собой оружия, подает после этого жертвоприношения сигнал приступить к бою, потрясая в воздухе топором и выкрикивая воинственные призывы».

Схожим образом, поднятие боевого духа солдат обещаниями помощи от богов было функцией жреца у спартанцев:

«Каждой экспедиции и каждому военному совету предшествовало жертвоприношение. Жрец, называемый огненосцем (*рхсцъспт*), проносил перед войском горящую головню, взятую с жертвенника в Спарте, на котором царь принес жертвы Зевсу Громовержцу».

Евреи тоже прибегали к посредничеству жреца, когда хотели заручиться сверхъестественной помощью, о чем свидетельствует Второзаконие (20, 1-4):

«Когда ты выйдешь на войну против врага твоего и увидишь коней и колесницы и народа более, нежели у тебя, то не бойся их; ибо с тобою Господь, Бог твой, который вывел тебя из земли Египетской».

Когда же приступаете к сражению, тогда пусть подойдет священник, и говорит народу,

И скажет ему: «слушай, Израиль! вы сегодня вступаете в сражение с врагами вашими: да не ослабевает сердце ваше, не бойтесь, не смущайтесь и не ужасайтесь их;

Ибо Господь, Бог ваш, идет с вами, чтобы сразиться за вас с врагами вашими и спасти вас»».

В некоторых случаях функции жрецов, сопровождавших армии, не уточняются. На Золотом Береге, где «цари или государства никогда не начинают войну, не посо-

ветовавшись с национальными божествами», «люди-фетиши сопровождают воинов на поле битвы». А Геррера, описывая армии юкатанцев, говорит, что у них были «два Крыла и Центр, где находились Господь и Верховный Жрец». В других случаях военные функции жреца во время активных боевых действий несколько отличаются. Например, у примитивных германцев:

«Поддержание дисциплины на поле боя, как и на совете, препоручалось в значительной мере жрецам: они находили предзнаменования и подавали сигнал к началу боя, только они обладали властью являться с законным наказанием, связывать или побивать».

Есть еще и другие случаи, когда выполняемые функции в более узком смысле называются религиозными. Самоанцы брали жреца «с собой на битву, чтобы он молился за свой народ и осыпал врага проклятиями». В Новой Каледонии «жрецы приходят на поле боя, но сидят поодаль, *голодая* и молясь о победе». У команчей молитвенная функция выполнялась перед отправлением на войну. «Оказывается, – говорит Скулкрафт, – жречество не имеет никакого влияния в своем общем управлении, но как только объявляется война, жрецы оказывают свое влияние на Божество». И в этом представлении о своей службе христианские священники, видимо, согласны со жрецами команчей, в пользу чего свидетельствует следующая молитва, подготовленная Архиепископом Кентерберийским для прочтения по случаю начала последней войны в Египте.

«О Боже Всемогущий, чьей силе не способна противиться ни одна тварь, молим Тебя, храни наших солдат и моряков, отправившихся теперь на войну, дабы они, вооружившись Твоей защитой, уберечься от всех напастей, чтобы восславить Тебя, единственного дарителя всех побед, через заслуги Сына Твоего единственного, Господа нашего Иисуса Христа. Аминь».

Здесь есть, однако, достойное упоминания отличие. Если у язычников жрец обычно первым делом ищет какой-нибудь знак божественного одобрения, то христианский священник полагает, что это одобрение у него уже есть, даже если речь идет о нападении на народ, пытающийся сбросить с плеч невыносимую тиранию.

Помимо того, что жрецы бывают прямыми или косвенными помощниками в бою, в ряде случаев на них полагаются в военном управлении или обращаются к ним за руководящими указаниями. В Африке у эггара жрец «выполняет функции военного министра». О древних мексиканцах мы читаем: «Верховные жрецы были оракулами, к которым цари обращались за советом во всех важнейших делах государства, и ни одна война не начиналась без их одобрения». Прескотт сообщает, что перуанские жрецы давали советы по военным вопросам; а Торквемада говорит, что в Гватемале жрецы обладали решающим авторитетом в вопросах войны. В Сан-Сальвадоре верховный жрец и его подчиненные после поиска сверхъестественного знания «призывали к себе касика и военного вождя и советовали им, как подобраться к врагам и следует ли вообще с ними связываться». Примерно то же было у евреев. Первая книга царей (3 Цар. 22) рассказывает о консультациях царя с пророками относительно необходимости войны, в особенности с одним из них:

«И пришел он [Михей] к царю. Царь сказал ему: Михей! иди ли нам войною на Рамоф Галаадский, или нет? И сказал тот ему: иди, будет успех, Господь предаст его в руку царя».

§ 631. Кто-то может простодушно предполагать, что вероисповедание людей определяет их действия, и заключить, что нации, принявшие христианство, пусть и

не удерживались от войн номинально принятыми ими верованиями, по крайней мере должны были ограничить функции своих священников функциями религиозного или уж во всяком случае невоенного характера. Но он оказался бы совершенно неправ.

Всем известно, что христианская Европа на протяжении многих столетий видела священников принимающими такое же активное участие в войнах, как и жрецы у некоторых сохранившихся до наших дней дикарей. В VII в. во Франции епископы отправлялись на битву; а «к середине VIII в. уже вполне развилась регулярная военная служба представителей духовенства»: «при Карле Мартелле было обычным делом видеть епископов и клириков носящими с собой оружие». Как говорит Гизо о состоянии церкви в этот период, епископы «участвовали в национальных войнах; более того, время от времени они сами затевали жестокие и грабительские походы против соседей». В последующие века Германия и Франция опять-таки были свидетельницами союза военного руководства с церковным. В Германии духовный глава «был теперь феодальным бароном; он был признанным руководителем вооруженных сил в своих епархиях». Говоря о событиях во Франции, Ордрик описывает, как священники вели в бой своих прихожан, а аббаты своих вассалов в 1094 г., потом в 1108 г.; а в 1119 г. епископы возглавили священников с их паствой.

Даже во второй половине XV в. кардинал де Балю собирал в Париже войска; а «епископ, главы университета, аббаты, настоятели и другие церковные люди... явились туда каждый с каким-то количеством людей». Только в середине XVII в. вышел эдикт, освободивший духовенство от личной военной службы. Даже сегодня христианство не избавилось до конца от союза человекоубийственных и душеспасительных функций. Отмечают, что черногорцы представляют «ныне единственное в Европе сообщество, управляемое военным епископом»; а преподобный У. Дентон говорит, что «священники там носят оружие и “вообще славные герои”, первые в сборе, предводители своих паств в войне».

К прямому участию в войне, представленному действительной службой в армии, нужно добавить косвенное участие, предполагаемое административным контролем над воинскими организациями. Кардинал Ришелье был начальником военного флота и сухопутной армии. Более того, его политика «открыла для Франции новую эпоху — эпоху великих и систематизированных военных действий»; и он «в своем *Testament politique* с гордостью вспоминает о дисциплине, установленной им в итальянской армии и войсках, осаждавших Ла-Рошель: “Они подчинялись как поставленные под ружье монахи”».

В наши дни люди привыкли к этим связям и забывают о том, что они существовали и раньше. Военные обязанности священников свелись у нас к освящению флагов, обращениям армейских капелланов к солдатам, уходящим вершить возмездие, с призывом проявить милосердие, а также спорадическим обращениям к Богу с просьбой благословить агрессию, спровоцированную или неспровоцированную.

§ 632. Итак, созерцание фактов, предоставляемых нам всеми местами и эпохами, переворачивает ассоциацию идей, которую создают непосредственно окружающие нас факты. Признавая ту истину, что боги дикарей и частично цивилизованных народов были первоначально жестокосердными вождями и царями, чьих призраков умиловивляли осуществлением их агрессивных или мстительных планов, мы видим, что их официальные умиловивители вовсе не связывались сначала в доктрине и деле с высокими свойствами человеческой природы, а напротив, связывались и

тут и там с низменными ее сторонами. Поэтому можно считать естественной воинственность, которая характеризует их на ранних стадиях.

В более конкретной форме этот союз священнических и воинских качеств демонстрируется тем фактом, что при нормальном ходе социальной эволюции политический глава является одновременно военным лидером и руководителем культа. Очевидным следствием этого становится то, что эти две функции, поначалу соединенные, могут приобрести отдельных исполнителей лишь постепенно и что эти отдельные исполнители долгое время должны продолжать выказывать общность характера; на истинность этого указывает то номинальное главенство над церковью и армией, которое сохраняется во многих случаях главой государства, когда его реальное главенство над ними уже исчезло.

Отсюда следует ожидать, что и другие жрецы, помимо верховного, являющегося главным военачальником, должны принимать активное участие в войне. Нас несколько не должно удивлять обнаружение того, что в различных варварских обществах они участвуют в сражениях — иногда как самые обычные солдаты, а в каких-то случаях как вдохновители и подстрекатели, в других случаях как советники, сведущие в божественных делах, а иногда и как военные министры.

Более того, эта изначальная связь, как мы видим, нелегко изживается. История средневековой Европы неопровержимо доказывает, что условия, вызывающие крупные рецидивы воинственности, возрождают примитивный союз воина и жреца невзирая на культ, запрещающий кровопролитие, причем возрождают его настолько полно, словно это культ самого кровожадного типа. Только когда война становится менее хронической, а цивилизующие влияния мира начинают преобладать, жрец утрачивает свой полувойенный облик.

Наконец, заметим, что дифференциация этих двух функций — сражения с врагами и умилоствления божеств, — первоначально совмещаемых с руководством государством, зашла дальше всего в религиозных организациях, отделившихся от государства. В отличие от священников установленной церкви, которые обычно принадлежат к семьям, поставляющим армейских и морских офицеров, и хотя не участвуют активно в военной службе, проявляют время от времени свои военные симпатии при голосовании епископов в Палате лордов, сектантские священники, вышедшие из классов, вовлеченных в ту или иную форму промышленной деятельности, наименее воинственны среди религиозных функционеров.

Глава XI. Гражданские функции жрецов

§ 633. Разумеется, там, где глава государства, рассматриваемый как имеющий божественное происхождение, играет роль жреца в умилоствлении богов-прародителей и, обладая неограниченной властью, распространяет свое правление на все сферы жизни, союз гражданских и священнических функций обретает свою завершенность. Хороший пример такого состояния дел на ранней стадии социального развития дают полинезийцы.

«Эта система гражданской политики, бывшая слишком рассогласованной и плохо адаптированной, чтобы отвечать хоть какой-нибудь ценной задаче, тесно переплеталась с их кровожадной системой идолопоклонства и была освящена авторитетом богов. Король не только стоял во главе правительства, но и считался своего рода наместником сверхъестественных сил, царивших в невидимом мире. Во время

его инаугурации приносились человеческие жертвы; и всякий раз, когда под влиянием потери, понесенной от грабежа, или какой-то иной обиды кто-нибудь отзывался неуважительно о его личности и правлении, не только жизнь его оказывалась в опасности, но и нужно было принести человеческие жертвы, чтобы очистить землю от загрязнения, которое предположительно было таким образом вызвано».

Разные вымершие общества представляли схожие смешения гражданского и жреческого руководства. В Ассирии, где царь «либо считался наделенным божественными атрибутами, либо на него самого смотрели как на своего рода Высшее Божество» и где «все его действия в мирное и военное время, видимо, были связаны с национальной религией и, как считалось, находились под особой опекой и покровительством божества», он, будучи гражданским главой государства, изображается в скульптурах как главный жрец, приносящий богам жертвы. Такая же связь существовала в древнем Египте, в древней Мексике, в древнем Перу и сохранялась до недавнего времени — если не в реальной форме, то по крайней мере в номинальной — в Японии.

Очевидно, это обычная связь для обществ, сохранивших ту примитивную структуру, в которой наряду с общим культом предков возник особый культ основателя племени завоевателей, чей потомок является одновременно его главным умиловителем и наследником его гражданского владычества наряду с военным руководством.

§ 634. Этот союз, наиболее явный там, где божественная природа или божественное происхождение царя служит предметом веры, сохраняется также и там, где его считают единственным обладателем божественной санкции. Ибо обычно в таких случаях он является либо номинальным, либо реальным главой церковной организации и, занимаясь обыкновенно гражданскими функциями, принимает по случаю больших событий функции священнические.

Там, где религия исконная, сохранения этой связи, естественно, следовало ожидать; однако мы имеем доказательство того, что даже там, где религию приносит вторжение извне и она подавляет исконную, указанная связь обычно восстанавливается. Это демонстрирует рост церковной организации на просторах Европы. Бывшая поначалу диффузной и локальной, она развивалась в сторону централизованного союза религиозной и гражданской власти. Согласно Бедольеру, в течение IV и V вв. во Франции епископами избирали сенаторов, губернаторов провинций, крупных собственников, имперских чиновников; Гизо пишет, что в V в. «епископы и священники стали главными муниципальными магистратами». В кодексах Феодосия и Юстиниана содержатся многочисленные правовые установления, передающие муниципальные дела в руки духовенства и епископов. Юрисдикция епископа в Германии, ограниченная поначалу подвластным ему духовенством, стала постепенно «распространяться на мирян в случаях, когда речь шла о религиозных обязанностях, правах или дисциплине церкви; а исполнение его указаний отдавалось на попечение местных судов». Когда в X в., с ростом феодальной системы, епископы сами стали «мирскими баронами и на них, как и на самых заурядных мирян, были возложены военная обязанность, *jurisdictio herilis* и другие благородные обязательства», они, как и светские бароны, стали служителями правосудия, за исключением только того, что они не могли выносить и приводить в исполнение смертные приговоры. Аналогично обстояло дело в Англии XII в.

«Прелаты и аббаты... были в полной мере феодальными дворянами. Они за свои земли присягали на верность королю или иному вышестоящему лицу, получали дань

от своих вассалов, пользовались такой же неприкосновенностью, осуществляли такую же юрисдикцию, поддерживали такой же авторитет, как и светские лорды, среди которых они вращались».

Нужно еще иметь в виду, что вместе с приобретением местными церковнослужителями местной гражданской власти происходило приобретение центральной гражданской власти центральным священнослужителем. Публичные и частные действия королей были в какой-то мере подчинены контролю папы, вследствие чего в XIII в. произошло «превращение королевств в духовные феоды».

§ 635. Всего одна ступень, во многих случаях лишь номинальная, ведет нас от гражданских функций жреца как центрального или местного правителя к гражданской функции жреца как не более чем судьи: судьи, сосуществующего с политическим главой, но отдельного от него.

Это возложение судейской функции на жречество, часто происходящее на ранних стадиях социального развития, вытекает из идеи, что подчинение умершему правителю, ставшему богом, есть более высокая обязанность, нежели подчинение живому правителю, и что люди, находящиеся как жрецы в общении с призраком умершего правителя, служат каналами, через которые поступают его повеления и решения, и, следовательно, как никто подходят на роль судей. Отсюда различные факты, представляемые нецивилизованными и полудицилизованными народами. О неграх Берега Слоновой Кости мы узнаем, что «в Бадагри жрецы фетишей являются единственными судьями этих людей». В древнем Юкатане «жрецы богов настолько почитались, что были господами, назначавшими наказания и присуждавшими вознаграждения». В § 525, говоря о судебных системах, я уже ссылаясь на судейские функции жрецов у галлов и скандинавов. У более древних народов существовала аналогичная связь, причем по той же самой причине. О египтянах нам рассказывают:

«Помимо своих религиозных обязанностей, жрецы выполняли важные обязанности судей [Жlian, Hist. Var., lib. xiv, c. 34] и законодателей, а также советников монарха; и законы, как у многих других народов Востока [евреев, мусульман и прочих], составляя часть священных книг, могли проводиться в жизнь только членами их соловия».

Хотя в христианском мире первоначально вряд ли существовала связь жреца с правителем, все же потом, когда христианского священника, наряду со жрецами исконных религий, стали считать одухотворенным свыше, появилась тенденция к признанию его судейского авторитета. В старой Англии епископ должен был «помогать в осуществлении правосудия в спорах между человеком и человеком, охранять от лжесвидетельства и надзирать за отправлением суда божьего». И это раннее участие наряду с мирянами в судебных отправлениях стало впоследствии чем-то вроде узурпации. Будучи поначалу трибуналами, призванными проводить дисциплинирующую власть вышестоящих жрецов над нижестоящими, церковные суды как у нас, так и за пределами нашей страны распространили свои полномочия на дела, в которых были одновременно замешаны духовные лица и миряне, а со временем сделали деяния мирян также подпадающими под их решения. Поначалу принимая во внимание проступки, отличающиеся как духовные, эти суды постепенно расширяли их определение, пока, наконец, в некоторых местах под «суд Церкви» не подпали «все вопросы, связанные с завещанием имущества и заключением брака, все дела, имеющие отношение к банкирам, ростовщикам, евреям, ломбардам, всё, что заключало в

себе договоры и клятвы, все дела, проистекающие из крестовых походов, управление больницами и другими благотворительными учреждениями, все обвинения в святотатстве, лжесвидетельстве, распутстве» и т. д.

И в то же самое время развился свод канонического права, основанный на папских суждениях. Посягательства церковной юрисдикции на сферу гражданской юрисдикции привели в конечном счете к борьбе за первенство, пока в XIII в. церковная юрисдикция не начала ограничиваться и не стала относительно скромной в своих притязаниях.

§ 636. Наряду с большой долей участия в отправлении правосудия, которой жрецы обладают там и тогда, где и когда предполагается, что они воодушевлены божественной мудростью или изрекают божественные веления, они обладают в таких местах и в такие времена также значительной долей в контроле над государственными делами, выступая в качестве министров или советников.

В каких-то случаях политический правитель ищет их помощи не потому что верит в то, что они обладают сверхъестественной мудростью, а потому что они полезные агенты контроля. Как говорит Крукшенк, «многие из числа более высокопоставленных и рассудительных туземцев [Золотого Берега], очень мало веря в Фетиш [или колдуна], признают ценность его как механизма гражданского управления». Фиджийские вожди признавались, «что испытывают мало почтения к могуществу жрецов и просто используют их для управления людьми». Или, как сообщает Уильямс, «вождь и жрецы прекрасно друг друга понимают, и последние заботятся о том, чтобы провозглашаемая воля богов совпадала с пожеланиями первого». Вероятно, схожее отношение существует и в Абиссинии, где король шоа правит своими людьми «в основном через церковь».

В других, более многочисленных случаях власть жреца (или знахаря, или человека, объединяющего в себе оба качества) как политического советника проистекает из веры в его сверхъестественное знание. Рассказывая о марутсе, Холуб сообщает, что в услужении у короля Сепопо находились «два старых, дряхлых на вид мага, или доктора... которые осуществляли едва ли не высший контроль над государственными делами». Аналогичным образом, Бойл пишет о даяках, что «по соседству с туахом [вождем] жил “мананг”, или знахарь». И это напоминает нам замечание Гука о татарском императоре, Мангоу-хане, который «хранил верность множеству суеверных обычаев, и напротив шатра его жил главный предсказатель... следивший за колесницами, на которых возили идолов». Так обстояло дело там, где вполне определено священническое качество. Мы уже видели, что в Мексике «верховные жрецы были оракулами, с которыми цари консультировались по всем важнейшим делам государства». Так было и у других древних народов Америки, например, в примитивном Мичоакане, где жрецы «пользовались наибольшим влиянием как в церковных, так и в мирских делах». То же самое было в древнем Египте. «Вслед за царем высшим рангом обладали жрецы, и из их числа отбирались его конфиденциальные и ответственные советники». И так же до сих пор обстоит дело в Бирме, где, по словам Сангермано, «над всем царит мнение браминов, и даже король не станет предпринимать никаких шагов без их совета».

То, что в обществах, имеющих культы, уходящие корнями в поклонение мертвым правителям, эта советническая функция в гражданских делах должна быть соединена со священнической функцией, в общем-то, следовало ожидать. Однако мы видим, что даже жрецы религии завоевателей приобретают в этом, как и в других

отношениях, по сути те же позиции, что и жрецы исконной религии. История средневековой Европы показывает, как прелаты становятся агентами гражданского права, выступая в качестве министров, дипломатов и членов совещательных органов, занимающихся политическими делами.

§ 637. Социальное развитие, всегда сопровождающееся специализацией, все больше и больше ограничивает гражданские и военные функции жрецов.

На одном полюсе — в случае примитивного царя — мы находим полное слияние двух наборов функций; в правительствах развитых обществ мы видим приближение к другой крайности, когда жрецы вместо активного участия в гражданских делах почти целиком из них исключаются. У нас (кроме как в редких случаях церковных судов) судебная и исполнительная власти, в которых руководящие церковные чины некогда принимали существенное участие, теперь выскользнули из их рук, а тот остаток законодательной власти, который пока находится в руках епископов, видимо, еще недолго у них сохранится. В то же время эта дифференциация настолько утвердилась в общем сознании, что активное участие в политике для священнослужителей является обычным, хотя и неподобающим для них делом.

Есть веские основания связывать это изменение, или по крайней мере его завершение, с развитием промышленного типа общества. Сопrotивление безответственному правлению жрецов, как и сопротивление любому другому безответственному правлению, сводится в конечном счете к растущему утверждению личной свободы — с сопутствующим ей правом иметь частное суждение, — которому способствует промышленная жизнь, прививая каждому гражданину привычку отстаивать собственные притязания, уважая в то же время притязания других. Но эта связь станет более явной, когда мы перейдем к предмету следующей главы.

Глава XII. Церковь и государство

§ 638. Выше разными способами было продемонстрировано, что церковь и государство поначалу неразличимы. Я имею в виду не только тот факт, что в Китае и Японии представления о посюстороннем и потустороннем мирах были смешаны настолько, что во главе обоих миров стоял живой правитель. И не только о той истине я напоминаю, что примитивный правитель, являясь наместником своего покойного предка, которого он как жрец умоляет не только приносимыми жертвами, но и исполнением его повелений, становится в силу этого человеком, в лице которого объединяются правление мертвых и правление живых. Но я имею в виду еще и тот факт, что там, где еще не разрушен нормальный порядок, организации сакрального правления и мирского правления остаются практически смешанными, поскольку последняя остается в значительной степени инструментом первой. В простой форме эта связь хорошо видна нам на примере Мангайи, где «короли были... “глашатаями, или жрецами Ронго”. Поскольку Ронго был покровительствующим божеством и источником всякой власти, они наделялись колоссальным могуществом, так что земной господин должен был им подчиняться, как и большинство, из страха прогневить Ронго».

И этот теократический тип правления получил в разных местах полное развитие. Гораздо более, нежели у евреев, он проявился у части египтян.

«Влияние жрецов в Мероэ, обусловленное верой в то, что они оглашают волю Божества, наиболее полно показано Страбоном и Диодором, которые говорят, что те имели обычай отправляться к царю, когда заблагорассудится, и приказывали ему

покончить с собой в знак послушания открывшейся им воле оракула; и в такой степени ухитрились они поработить сознание этих владык суеверными страхами, что те беспрекословно подчинялись».

Другие случаи подчинения мирской власти духовной хотя и не были столь крайними, но все же весьма примечательны.

«Правительство Бутана, как и Тибета и Японии, представляет собой теократию, в которой первенство отдается духовному вождю. Этот вождь по роду деятельности авторитет, и действительные обязанности выполняются обычно его представителем».

Меж тем в этих случаях — или в некоторых из них — верховенство духовного главы практически уступило место верховенству главы светского: при схожих условиях дифференциация этих двух форм правления произошла также в Полинезии.

Там, где церковь и государство не слиты столь полно, чтобы сделать земного правителя простым представителем правителя небесного, продолжает существовать их смешение, если примитивные верования сохраняют всю свою прежнюю силу и, следовательно, если посредники между богами и людьми, сохраняя свое всемогущество, растворяют гражданское правление в церковном. Например, в Египте:

«Жречество принимало активное участие во всем ... Ничто не оставалось вне его юрисдикции: сам царь подчинялся законам, установленным жрецами для его поведения и даже для его образа жизни».

В древнеамериканских обществах рука об руку со столь же сильными, как в Египте, религиозными верованиями шло аналогичное единство церкви и государства. Перуанцы демонстрируют полное тождество церковного правления с политическим; на Юкатане авторитет жрецов соперничал с властью царей; и в соответствии с преданием древних мексиканцев о том, что жрецы возглавляли их приход на эту землю, имело место такое смешение жреческого правления с гражданским, что в значительной мере эти два правления составляли одно.

То, что это слияние церкви и государства не ограничивается обществами, где богами являются более или менее древние обожествленные правители, но обнаруживается также в обществах, характеризующихся не исконными культурами, и что оно сохраняется все время, пока религиозные верования не критически принимаются, мы видим в истории средневековой Европы.

Но и в этом случае, как во всех прочих, разного рода причины, действуя сообща, приводят впоследствии к дифференциации и растущему разделению. Вначале эффективно сотрудничая, пока интересы у них совпадали, инстанции осуществления небесного и земного правления в конце концов начинают бороться за превосходство; и конкуренция между ними, соединяясь с растущим несходством их функций и структур, делает эти две организации отличными друг от друга.

§ 639. Чтобы понять борьбу за превосходство, которая в конце концов разгорается и ведет ко все большему отграничению церковной структуры от политической, нам нужно бросить взгляд на источники жреческого могущества.

Первым идет притязание жреца как представителя божества на выдачу санкции авторитету гражданского правителя. В настоящее время у некоторых нецивилизованных народов, например у зулусов, мы находим признание этого притязания.

«Что до обычая вождя примитивного королевского рода у чернокожих, то он призывает к себе прорицателей, дабы те возвели его в вождество и он мог действительно стать вождем».

В древнем Египте царь, целиком находясь в руках священнослужителей, мог быть коронован только после того, как делался одним из них. Мы находим аналогичный случай у евреев, когда Саул был миропомазан Самуилом на царство от имени Бога. Переходя без излишних проволочек к приобретенной власти пап, которая стала такой, что короли, получая короны из их рук, клялись им в повиновении, мы видим, что освящение правителей, сохраняя свою форму вплоть до наших дней, было — когда оно действительно было — элементом жреческой власти.

Далее в числе источников можно назвать предполагаемое влияние жреца на сверхъестественных существ. Везде, где эта вера безоговорочна, ужас перед несчастьями, которые он может навлечь своими действиями, или доверие к его способности добиться благословений дает ему необычайные преимущества. Даже там, где жертвоприношения мог совершать каждый, профессиональные жрецы все-таки извлекали пользу из своего предполагаемого особого знания. Приведем пример Рима, где их власть таким образом усиливалась:

«Каждый молящийся и просящий обращался непосредственно к божеству: сообщество, конечно, делало это через короля как своего глашатая, точно так же, как *curia* — через *curio*, а *equites* (см. прим. 2) — через своих полковников... Но... у бога был свой способ говорить... Человек, правильно понимавший его, не только знал, как выяснить волю бога, но и знал, как ею управлять, а в случае необходимости даже перехитрить его или вынудить что-то сделать. Отсюда было естественно, что поклоняющийся богу должен регулярно консультироваться у таких опытных людей и выслушивать их советы».

Там, где умилоствление божества могли совершать только посредники-жрецы — где, как у чибча, «ни одно жертвоприношение или приношение даров, будь то публичное или частное, не могло быть совершено иначе, кроме как руками жреца», — там церковная организация, разумеется, приобретала огромную силу.

К влиянию, которым обладали жрецы как посредники, можно добавить ряд связанных с ним влияний, схожим образом укорененных в принятых суевериях. Одно из них — предполагаемая способность дать прощение грехов или отказать в нем. Кроме того, есть еще предполагаемая потребность в получении пропуска (*passport*) в иной мир, что демонстрируют обычаи древней Мексики, Японии и России. Есть, опять же, страх перед отлучением, которое в христианской системе, как и в системе друидов, применялось прежде всего в отношении тех, кто непочтительно относился к церковным властям.

К могуществам, которые жрецы приобретают в силу их предполагаемых связей с богами, необходимо добавить могущества иных типов. В ранних обществах они образуют воспитанный класс. Даже знахарь у дикарей — это обычно человек, обладающий кое-какой информацией, которой не обладают окружающие; а развитые жречества сложившихся народов, например, египтян и халдеев, показывают нам, как знание окружающих явлений, накапливаемое и передаваемое, позволяющее жрецам предсказывать небесные явления и делать другие удивительные вещи, колоссально превозносит их в глазах непосвященных. К еще одному влиянию, таким образом полученному, должно быть присоединено другое, приобретаемое благодаря знанию искусства письма. Помимо восхищения, возбуждаемого в обычных людях способностью передавать идеи в иероглифах, идеограммах и т.д., здесь содержится огромное подспорье для сотрудничества в пределах всей церковной иерархии, предоставляемое исключительным средством взаимной передачи интеллекта; и история средневековой Европы показывает, как способность читать

и писать, которой обладали жрецы, но редко кто-то еще, делала неоценимой их помощь в разных гражданских делах и обеспечивала церкви огромные преимущества. Не должны мы забывать и о родственных усилениях влияния, вытекающих из тех позиций, которые занимали прелаты как учителя гражданских правителей. В средневековой Европе епископы «обычно были наставниками государей», а в Мандалае до сих пор высший церковный сановник, авторитет которого уступает лишь власти короля, «как правило, становится патриархом, поскольку в пору юности Короля был его наставником».

Наконец, можно назвать могущество, вытекающее из накопления собственности. Начиная с подношений заклинателям духов и прорицателям у дикарей, прогрессируя к выплате своего рода жалований жрецам, совершающим жертвоприношения, и перерастая постепенно в дары храмам и взятки служащим в них сановникам, всюду в церковную организацию стекается богатство. Говоря о древней Мексике, Цурита пишет, что «помимо множества городов, тут и там были разбросаны бесчисленные великолепные поместья для поддержания публичного культа». У перуанцев доля годового совокупного продукта, которая резервировалась для религиозных служб, составляла «от четверти до трети». В древнем Египте «жрецы жили в изобилии и роскоши. Доля земли, отдаваемая в их пользование, наибольшая в трехчастном делении, не облагалась [в какой-то период] никакими налогами». Так же и в Риме.

«Публичное служение богам становилось не только более утомительным, но и, прежде всего, все более и более дорогостоящим... Обычай учреждения пожертвований и вообще установления постоянных денежных обязательств для религиозных целей господствовал у римлян примерно так же, как в настоящее время он господствует в католических странах».

И проводимая здесь аналогия вызывает в памяти знакомый нам пример средневековой Европы, в которой, помимо подношений, десятин и т.п., церковь одно время распоряжалась третью земельной собственности.

§ 640. Держащая в своих руках такую огромную и многостороннюю власть, естественную и сверхъестественную, церковная организация, видимо, должна была быть неотразимой и во многих местах и во многие времена действительно была неотразимой. Там, где исходное смешение церкви и государства уступило место их смутно прорисованному различию, неизбежно вытекавшему из частичной специализации функций, сопровождающей социальную эволюцию, между ними непременно возникают различия в целях; и уже отсюда возникает вопрос, станет или не станет живой правитель с его организацией гражданских и военных подданных отступать перед лицом организации тех, кто представляет правителей умерших и преподносит себя как глашатаев их велений. И если во всем обществе вера беспрекословна, а страх перед сверхъестественным принимает крайние формы, то мирская власть оказывается подчинена духовной власти.

Мы можем ретроспективно проследить эту борьбу вплоть до ранних ее стадий. Относительно знахарей, управляющих погодой у зулусов, и народной их оценки в сопоставлении с вождями мы читаем:

«У града во всех местах есть свои врачеватели; и хотя у каждого народа есть свой вождь, о нем не говорят: “Мы имеем наш хлеб насущный благодаря вождю”, — а говорят: “Мы имеем наш хлеб насущный благодаря сыну Такого-то; ведь когда все небо покрыто тучами, а мы не знаем наверняка, уйдут ли они в другое место, он

может усердно поработать и сделать все необходимое, и тогда мы уже ничего не боимся”».

К этому следует добавить, что вождь у зулусов, обычно испытывающий к знахарю зависть, в некоторых случаях предаёт его смерти. Пример конфликта, протекающего в другой форме, мы имеем на Самоа. На военном совете, который проводят самоанцы с целью согласовать меры возмездия в отношении тонганцев, верховный жрец, «человек дерзкий, жестокий и неразборчивый в средствах, сочетавший в своем лице тройственные обязанности воина, пророка и жреца», потребовал, чтобы тонганских пленников немедленно предали смерти. Король возразил против этого предложения, и отсюда возникла распря между ним и жрецом, закончившаяся гражданской войной, свержением и изгнанием короля и узурпацией его места жрецом. Хотя этот спор между милосердным королем и бессердечным жрецом не во всех отношениях параллелен спору между Саулом и Самуилом — поскольку Самуил вместо узурпации самого места царя просто помазал на царство Давида, — все же эти два случая одинаково иллюстрируют борьбу за власть, возникающую между политическим главой и предполагаемым глашатаям божественных повелений. Похоже обстояло дело у греков. Курциус, рассказывая о временах, когда складывалась «Илиада», пишет:

«Жрецы, особенно прорицатели, тоже противопоставляют себя царской власти, сами образуя по милости Бога еще одну власть, в какой-то мере более упрямую и опасную».

Следы сопротивления гражданской власти мы находим и у римлян.

«Даже во времена гибельного налогового бремени жрецы претендовали на право налогового освобождения и только после крайне мучительных споров согласились выплатить просроченные налоги».

У разных народов этот конфликт проявляется по-разному. О японских жрецах XVI в. Диксон пишет:

«Благодаря собственному богатству и богатству своих вассалов они были в состоянии содержать приличную армию; причем состояла она не только из их вассалов, ряды ее пополняли и сами жрецы».

У нахуа в древней Америке жрецы «обладали огромной властью — как священной, так и мирской. Йопаа, один из их столичных городов, пребывал под абсолютной властью понтифика, в лице которого сапотекские монархи имели могущественного соперника». Предполагаемая здесь связь между духовным и мирским правителями, похожая на связь между духовными и мирскими правителями в христианском мире, напоминает нам также о долгих боях за превосходство, свидетельницей которых была Европа, — боях между политическими главами, которые властвовали над естественными силами, и церковным главой, который претендовал на сверхъестественное происхождение и сверхъестественную власть.

§ 641. Есть основания считать, что изменение, приведшее от исходного преобладания духовной власти над светской к подчинению первой, обязано развитию высших типов социальной организации, а именно: развитию индустриализма.

В § 618 мы уже отмечали, что именно крайняя степень природной сервильности заставила народы древней Америки без всякого сопротивления подчиниться безусловному политическому деспотизму, присущему военному типу общества, и она же заставила их боязливо подчиниться чрезвычайно развитым жречествам их кровавых богов; и мы увидели, что схожие связи черт демонстрировались разными народами древнего мира. Контраст с другими древними народами, представляемый гре-

ками – которым, как уже отмечалось (§§ 484–485, 498), благоприятные условия позволили воспротивиться консолидации под началом деспота в то самое время, когда, особенно в Афинах, индустриализм и его упорядочения достигли значительного прогресса, – необходимо связать с тем фактом, что у греков не выросло жреческой иерархии. И демонстрируемая тем самым классической эпохой связь между относительно свободными институтами, присущими индустриализму, и более слабым развитием жреческой организации иллюстрируется всей европейской историей как в конкретных местах, так и в конкретные времена.

Общей причиной этих одновременных изменений, как мы выше предположили, является модификация природы, вызванная заменой жизни в условиях принудительной кооперации жизнью в условиях добровольной кооперации, т.е. переходом от социального состояния, в котором подчинение власти является высшей добродетелью, к социальному состоянию, в котором добродетелью становится сопротивление власти в случае выхода ее за предписанные ей границы. Эта модификация природы проистекает из той повседневной привычки отстаивать свои права при уважении к правам других, которая подразумевается договорной системой. Установка ума, вскармливаемая этой дисциплиной, не способствует безоговорочному подчинению, будь то политическому главе и его законам или церковному главе и его догмам. Всегда тяготея к ограничению принуждающего действия гражданского правителя, она всегда стремится бросить вызов и власти жреца; как только рождается привычка задавать вопросы, жреческое божественное вдохновение сразу ставится под сомнение, и власть, вытекающая из веры в нее, начинает ослабевать.

С этим моральным изменением следует связать интеллектуальное изменение, тоже косвенно вытекающее из развития промышленной жизни. Распространяющееся знание о естественной причинности, которое вступает в конфликт с верой в сверхъестественную причинность и постепенно ослабляет ее, становится следствием развития промышленных искусств. Оно дает людям более широкий круг переживаний единообразия в связях между явлениями и делает возможным прогресс науки. Разумеется, на ранних стадиях знание о Природе, расходящееся с учениями жрецов, накапливается исключительно жрецами; но, как мы видим на примере халдейской астрономии, природный порядок вовсе не считается изначально противоречащим сверхъестественному деятельному принципу; а потому знание природного порядка, пока оно остается в исключительном владении жрецов, не может быть использовано для развенчания их притязаний. Лишь по мере того как знание естественного порядка становится настолько общеизвестным и распространенным, чтобы неощутимо изменять у людей привычки мышления, оно начинает подтачивать авторитет и власть жрецов; а общая диффузия такого знания является, как мы видим, сопутствующим обстоятельством индустриализма.

Примечания

1. Цар. 15, 2–11. – *Прим. перев.*
2. Всадники (*лат.*). – *Прим. перев.*

Пер. с англ. В.Г. Николаева